

КРУГЛЫЙ СТОЛ «КАК ПИСАТЬ ИСТОРИЮ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ?»

(20 октября 2011, Москва, РГГУ, Институт филологии и истории, Белые чтения)

Какие категории, помимо универсальных, необходимых для описания любой литературной эпохи, востребованы при разговоре именно о советской литературе?

По тем же ли категориям строятся история советской литературы и история русской литературы другого периода?

Какая периодизация советской литературы Вам важна?

Встраиваете ли Вы советскую литературу в единую историю русской литературы, или этот ее период Вам удобнее изучать как отдельный, независимый?

Важна ли для Вас разница между «советской литературой», «литературой советского прошлого», «русской литературой XX века» и т. п.?¹

История советской литературы — это история чего?

Что Вам важно (не важно) из этого ряда при описании именно советской литературы: история ментальностей, история идей; история норм, история институтов; история критики, история цензуры и редакторских правок; история сообществ, история «официальной» и «неофициальной» / «подцензурной» и «неподцензурной» литератур; история литературных групп и объединений; история литературы «первого ряда» и «второго ряда»; история изданий, история течений, история направлений; история поэзии, история прозы, история драматургии; история имен, история казусов, история текстов; история литературного быта.

Вопросы для обсуждения на круглом столе

Круглый стол «Как писать историю советской литературы?» (Белые чтения, РГГУ, 20 октября 2011) продолжил пленарное заседание, в названии которого отсутствовало ключевое слово «советской», и начался он с презентации историй / учебников по русской литературе XX в., подготовленной студентами Института филологии и истории Катериной Гималетдиновой и Антоном Скулачевым. Несколько примеров из нее.

Зарубежная русская литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутривосточные [Струве 1996, с. 22].

Литература в СССР, при всем кажущемся ее оптимизме и камуфляже, литература печальная. Все, кого можно назвать талантливыми, будь они правоверными коммунистами, нарисовали совместно, каждый свой кусочек, картину ужасающую стороннего наблюдателя. Самые блестящие писатели разочаровывались очень быстро, даже те из них, кто поначалу поддавался очарованию новизны и надежде на перемены к лучшему. Писатели не любили режим, и он отвечал им взаимностью [Плетнев 1987, с. 249].

И все-таки, впадающая то в примитивизм китча, то в мистику мало божественной религиозности или закручиваясь в жесткие идеологические спирали, литература нашего столетия состоялась именно как литература прежде всего, пусть, по закону парности, и в неклассическом варианте [Мушченко 1999, с. 13].

Все время для описания советской литературы ищутся пары, «двойчатки»: классическая литература, эмигрантская, расслоение внутри самой советской литературы, попытка увидеть два разных потока, два разных пласта, но уже не в сопоставлении с дореволюционной литературой или эмигрантской, а внутри самой советской литературы (один из вариантов — «Культура Два» Владимира Паперного). Двойственность притягивает и как объект исследовательского внимания: не случайно в лекциях и статьях Галины Белой важное место занимали «феномен амбивалентности» (установок, ценностей) и такие примеры рефлексии рубежа 1960–1970-х, как «Покорение на повороте» Л. Гинзбург и «Двойное сознание» В. Кормера.

В 2000 г. (продолжаем линию стилистических проблем, возникшую у Мушченко) в «Соцреалистическом каноне» Галина Белая писала: «Так уж получилось в русской культуре — стиливая борьба всегда была борьбой содержательных смыслов, и даже холодная зона соцреализма скрывает в себе трагические токи бурь, потрясений и несбывшихся надежд» [Белая 2000, с. 556]. История стилистической борьбы, история борьбы содержательных смыслов и взаимосвязь этих историй — важный вклад в копилку ракурсов, «историй» советской литературы.

Вышедший в 2001 г. учебник для вузов Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого (был представлен на чтениях Марком Липовецким по Skype) — масштабная попытка описания советской литературы через ее эстетические особенности: это поиск эстетических систем, которые разворачиваются через границы, проложенные всякого рода политическими критериями. Авторы искали эстетические разделители, которые проявляли себя и в официальной культуре, и в андеграунде, и в эмиграции. Модернизм и как его порождение постмодернизм продолжают существовать в 1960–1990-е, соцреализм не ограничивается лишь официальной культурой (тому пример —

В. Гроссман). Тот же поиск эстетических систем — в учебниках по 1920–1950 гг., которые реализуют проект Н. Л. Лейдермана. В 1920-е — модернизм, авангард, экспрессионизм (большой, на всю книгу, раздел про экспрессионизм, потому что именно он в 1920-е выходит на первый план и его диапазон чрезвычайно широк — от Маяковского до Замятина, от Клюева до Кржижановского). Рядом с экспрессионизмом — реалистическая линия, представленная главой о Горьком. Линия гротескного реализма: Зощенко, Ильф и Петров, Вагинов. Чисто соцреалистических текстов мало («Как закалялась сталь», «Педагогическая поэма»), об этом — в разделе «В тени соцреализма», где речь идет об очень крупных авторах, которые как будто вписываются в соцреализм и себя через него определяют, но, конечно, выходят за его пределы: Толстой, Эренбург, Леонов, Пришвин, Шолохов («Тихий Дон»). Высокий модернизм 1930–1950-х: Платонов, Заболоцкий, Хармс, Мандельштам, в этом же контексте — русское зарубежье, где впервые среди авторов оказывается Жаботинский.

Как говорит Марк Липовецкий, эти эстетические системы не бесспорны, но, идя по ним, можно выстраивать историю советской литературы по тем же критериям, что и литературу другого периода. Однако и загонять насильственно литературу в жесткие рамки этого разделения тоже нельзя: литературу 1940–1950-х разбить на эти подсистемы очень трудно, она настолько небогата, что это деление получается слишком искусственным.

Достаточно взглянуть на оглавление учебников, чтобы увидеть, что авторы отказываются от единого критерия (эстетического, хронологического или иного). В книге есть разделы, традиционно маргинальные в хронологии русской литературы: глава «Промежуточная проза», куда вошли, например, дневники и записки (Лидия Гинзбург, Корней и Лидия Чуковские и др.), глава «В тени соцреализма» — о детской литературе: впервые в истории отечественных учебников детские авторы попали в общее поле советской литературы, точнее не «детские авторы», а «авторы, писавшие для детей». О самом этом поле детской советской литературы — статья Марины Балиной «Детская литература как культурная институция». Заметим вскользь — именно «культурная», а не «литературная»: ниша, функции, статус, значимые не только для литературного процесса.

Авторы совсем иного учебника (иного уже просто потому, что обращен он к школьникам: «Книга для просвещенных учителей и учеников», написана в 2001–2003 гг., издана в 2009),

Е. С. Абелюк и К. М. Поливанов, заставляют старшеклассников увидеть историю литературы именно как историю — историю тем, проблем и способов о них говорить. В этом варианте истории литература XX в., и в том числе советская, также продолжает русскую литературу предыдущих эпох. Учебник для школы, создатели которого очень ограничены не только в выборе рассматриваемых авторов и произведений, но (санитарная норма — ребенку нельзя носить тяжести!) даже и в количестве страниц — такой учебник должен компенсировать все то, чего не хватает в учебниках обычно. И прежде всего — нехватку XX в., какого-то не очень понятного, иного, чем XIX с его романтизмом и реализмом, которые все-таки гораздо дольше, чем в случае советской литературы, изучаются в школе и гораздо меньше вырастают из повседневного контекста, в котором существовал автор. Учебник Е. С. Абелюк и К. М. Поливанова прежде всего погружен в контекст, понятый достаточно сложно: это контекст исторический (биографии, повседневная жизнь, пространство дискуссий), художественный и уже — литературный, это также контекст традиции, т. е. авторы стремились рассматривать произведение как в синхронии, так и в диахронии, говорить как о художественном своеобразии текста, так и о тех переключках с предшествующими текстами, которые в нем реализуются (на уровне сюжетных мотивов, реминисценций, аллюзий, ритмических цитат). И, наконец, контекст литературоведческий, показывающий сегодняшнему школьнику, что сделано в исследовании советской литературы почти за 100 лет.

Очерков справочного характера в учебнике почти нет, но вместе с тем расширилось число произведений, которые обычно рассматриваются в школе, а за счет этого — и литературный контекст (в том числе объем анализируемых в книге поэтических текстов: литературу XX века невозможно представить, не расширяя опыт восприятия поэзии). В результате получилась книжка, которая, в отличие от учебника М. Липовецкого и Н. Лейдермана, ценна не классификацией литературных явлений, а материалами и вопросами для размышления, конкретными разборами, формирующими читательскую культуру. Жанр учебника вполне можно было бы определить как путеводитель для читателя художественной литературы XX в.

О. А. Лекманов, предварявший круглый стол, начал доклад «Как нам строить историю литературы советского прошлого?» с реакции «двух самых проникательных читателей 1920-х гг.» (О. Мандельшта-

ма и Ю. Тынянова) на историю литературы как историю литературных генералов. По мнению О. Мандельштама («О природе слова»), особенно опасна теория прогресса, эволюционизма. Ю. Тынянов в своей работе «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» высказал идею, что литературная традиция — это не прямая линия, соединяющая старших с младшими, а скорее отталкивание от единой точки, борьба. Эта концепция должна быть достроена. Прежде всего — фигурами второго, третьего, четвертого ряда. Далее — пространством перемещений (как по-разному развивалась литература Москвы и Ленинграда, периферии). Кроме того, литературные генералы (как и писатели второго ряда) жили не только в стране, но и в государстве, соотносили себя так или иначе с системой, пресс всюду давил, но всюду по-разному. Затем — история восприятия читателями текстов. Еще один контекст — мировая литература («Мы» можно прочитывать в одном ряду с Оруэллом и Хаксли, а можно — не как утопию, как текст о попытке стать писателем, и тогда ряд другой: «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита»). И, наконец, самое важное: все это должно быть дополнено жанровой историей. Если развернуть все возможности разных подходов к истории литературы, может получиться цельная и непротиворечивая картина.

М. П. Одесский, модератор круглого стола, заметил собравшимся, что занимаемся мы в конечном счете историей текстов, а раз так, то возникает вопрос об их группировке, адекватной советской литературе (применительно к любому периоду истории литературы есть нерешаемая проблема общей истории и истории генералов: древнерусский книжник, например, читал и писал не то, что мы сейчас изучаем в курсе истории древнерусской литературы, то же самое и с XIX в. — вспомним тиражи Булгарина). Еще одна проблема: коль скоро советская литература — литература тоталитарного социума, ее очень трудно изучать как литературу имманентную: роль политического фактора в литературном процессе в данном случае гораздо больше, нежели, скажем, в случае Ивана Грозного.

Л. Ф. Кацис настаивал на том, что историю советской литературы нужно начинать строить, отойдя от нее на расстояние как минимум в 50 лет, поскольку пока не видно множества документов, недоступных в архивах (например, документы партийных чисток в литературных организациях), а значит, исследователь не очень понимает, кто дает команды, что решается на идеологическом вершине. (В этом месте дискуссии воспротивились специалисты по XIX в., считавшие до тех пор, что «двадцативечникам» с документами повезло гораздо

больше.) История литературы должна быть историей документов и их смыслов, историей организаций и их взаимоотношений. Чуть позже на круглом столе прозвучало сообщение *А. Э. Мильчина*, дополнившее выступление *Л. Ф. Кациса*, о необходимости включить в историю литературного процесса историю редакторских купюр. Биографии (и поэтику) из истории литературы нужно извлечь, чтобы история литературы не превращалась в историю литературных генералов, не теряла собственно историчность.

Томаш Гланц (Берлин, университет им. Гумбольдта, где, кстати, историю литературы не преподают, не складывают разрозненные курсы в единый сюжет, хотя бы даже и хронологический) вполне резонно, раз уж можно вынести за черту биографию, предложил вынести за черту и околотитулярную среду («история» и «литература» не совместимы, это попытка соединить парадокс).

О. Ю. Бессмертная попыталась вернуть разговор в историческое русло, спросив собравшихся: что же является объектом наших исследований? Текст? Ментальность эпохи? Некая совокупность процессов? Читательское восприятие? Самый процесс создания текста? Если исследовать категории, характерные для эпохи, то не стоит отказываться, вопреки сегодняшней тенденции, от понятия «соцреализм». Если мы хотим вскрыть совокупность процессов, посмотреть, как они сталкивались и преобразовывали человеческое мышление, то понятие «соцреализм» очень продуктивно.

«Не хватает слова “дискурс”, учебники по литературе должны бы быть исследованием литературного дискурса», — заключительная реплика *Томаша Гланца*.

Наверное, можно сказать, что для 1960–1970-х характерно внимание к ментальному. Двухтысячные, явно стремящиеся уйти от расплывчатого, ускользающего «сознания», больше апеллируют к литературным и социологическим категориям, описывая сообщества, стратегии, практики, примеры и т. д., все больше при этом тяготея к отказу от построения истории вообще. Об этом говорил в первом, установочном, докладе пленарного заседания *Вольф Шмидт*: о развитии литературы можно писать разные истории, которые создаются на основе разных смысловых линий и руководствуются разными точками зрения. Понимание того, что история литературы сама предстает как повествуемая история, предохраняет нас от двух смертных грехов историографии: от онтологизации рабочих понятий и от приписывания происшествиям устремленности к некой исторической цели.

Заключительный кадр: видеозапись рассказа *Любови Киселевой* о том, как из Москвы утверждались и правились программы на кафедре русской литературы в Тарту. Еще один пример того, что история литературы зачастую выстраивается отнюдь не по внутренним, ей самой присущим, критериям.

О. Розенблюм

Примечание

¹ В докладе на пленарном заседании Мариэтта Чудакова говорила о рефлексии понятий: «Литература советского прошлого» — не термин и не понятие, скорее декларация, сделанная ею в феврале 1992 г. в статье к 100-летию Федина («Писатель советского прошлого»), способ фиксации того, что *советское* стало *прошлым* и что Федин, как оказалось, целиком уместился в этом *прошлом*. «Советская литература» — конструкт оценочный, вненаучный, более нейтральное и рабочее понятие — «литература советского времени».

Источники

Абелюк Е. С., Поливанов К. М. История русской литературы XX века: книга для просвещенных учителей и учеников: в 2 кн. М.: Новое лит. обозрение, 2009.

Белая Г. А. Стилевой регресс: о стилевой ситуации соцреализма // Соцреалистический канон: сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академ. проект, 2000.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 2: Семидесятые годы (1968–1986). М.: Эдиториал УРСС, 2001; расширенное и дополненное издание: *Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Современная русская литература: 1950–1990-е гг.: в 2 т. Т. 1: 1953–1968 гг. Т. 2: 1968–1990. М.: Изд. центр «Академия», 2003, 2005, 2006, 2008, 2010.

Мущенко Е. Г. Русская литература XX века. Введение // Русская литература XX века: учеб. пособие; под общ. ред. Е. Г. Мущенко, Т. А. Никоновой. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999.

Плетнев Р. История русской литературы XX века. Cambridge: Perspectiva, 1987.

Русская литература XX века: 1917–1920-е годы: в 2 кн.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений; под ред. Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого. М.: Academia, 2012;

Струве Г. П. Русская литература в изгнании: краткий биографический словарь русского Зарубежья. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996.